

ВАЛЕРИЙ БАДОВ

ВЗОЙДЁТ ЛИ СЫЗНОВА СОЛНЦЕ ВЕЛИКОРОССОВ

К 65-летию В. Д. Попова

“Тактику взятия крепостей в Ираке американцы позаимствовали в пушкинской “Капитанской дочке” – “подкупательную”. Вот первые, искрометные строчки его памфлета. И впервые он держал в руках пахнувший типографской краской газетный лист со своим сочинением. 3 июля 2003 года – дата писательского дебюта. Одиннадцать лет назад топ-менеджер Владимир Данилович Попов прервал свою успешную карьеру в большом бизнесе и, к изумлению людей своего круга, пожертвовал положением в обществе, “просперити”, привычным образом жизни. И ради чего? Ради участи независимого политического публициста!..

“Вместо окрошки из Фридмана, Столыпина и Дэн Сяопина”

Старший вице-президент крупной нефтегазовой корпорации, в ответственном ведении которого финансовый оборот в миллиарды долларов. Не это ли предел мечтаний карьерного “нового русского”? Для “реальных” людей такое решение выглядело непостижимым и, что уж говорить, безрассудным. Так, да не так! Владимир Попов строил карьеру в российском бизнесе с самых низов, он начинал как наёмный менеджер. Не стриг купоны с акций, от бенефициаров держался в стороне, независимо, без оглядки. Зато за душой у него был “актив” подороже – лидерские качества и светлая голова. “Самые важные решения в корпорациях, – утверждал знаменитый Ли Якокка, спасший в свое время тонувшую корпорацию “Крайслер”, – фактически принимаются не коллективными органами, не комитетами, а отдельными лицами”. Попов как раз из таких. “Сила этих менеджеров в том, что они знают, как давать поручения другим и как вдохновлять людей на дело”, – точно подмечает Якокка.

И в самом деле, получив от главы корпорации карт-бланш, Попов создал сильную и преданную ему, Данилычу, команду управленцев. Вместе они привели в порядок запутанные, непрозрачные балансы и траты, пресекли “утечки”. И, как итог, заново выстроили весь финансовый менеджмент, преодолев скрытое ожесточенное противодействие влиятельных лиц в верхах корпорации. Старший вице-президент твёрдой рукой провёл свою стратегию... На это ушли годы, лучшие годы зрелости, потрачено немало сил. Но он не жалеет нисколько. Зато есть что вспомнить...

И вот настал день, когда искушённый финансист, системный управленец и заводила, каким он слыл с самой комсомольской юности, остался один на один со своими мыслями перед белым листом бумаги. Пробил час высказать всё, что наболело за долгие годы безвременья, что возмущало разум, камнем лежало на сердце. Вот уж теперь он поквитается с туземными “монетаристами”, этими проворными служками “Вашингтонского консенсуса”! С жаром погрузился он в свои замыслы, в правку рукописей, ведя записи мыслей, порой на ходу, в дороге, даже за рулём — не забыть бы!

Через какое-то время один за другим в печати вышли его резко критические памфлеты на злобу дня. Они касались проблем экономики, геополитики, духовного состояния общества... И были изданы отдельной книжкой под красноречивым названием “Последние из великороссов? Мысли о немыслимом”. По одним лишь заголовкам легко представить себе разящий сарказм его памфлетов, что приводило в тихое, едва скрываемое неистовство некоторых его бывших коллег по бизнесу и госслужбе. Ведь всего несколько лет назад в должности члена Коллегии Госналогслужбы Владимир Попов жестко поставил дело по взысканию “недоимок” с крупных олигархических компаний. Ему тогда не раз намекали, что ходит он по лезвию ножа...

Каждый следующий его памфлет на страницах “Отечественных записок”, “Советской России”, журнала “Наш современник” был открытым вызовом новоявленному истеблишменту. Чего стоят только заголовки-задиры: “Избавится ли российское предпринимательство от американской золотухи?”, “Вся Россия — Сибирь? Мобилизационная модель вместо крошки из Фридмана, Столыпина и Дэн Сяопина”... Сочувственный отклик даже у благонамеренных читателей вызвал памфлет “Манифест хороших плохих парней — либеральная империя по Чубайсу — политический китч и ловкий PR в одном флаконе”. Дескать, подлом ему, Рыжему бесу! К слову, прозвище “плохих хороших парней” янки обычно дают своим туземным подручным, приказчикам и прозелитам поддельного “монетаризма”. Знакомым всем нам персонажам, которые, не без выгоды для собственного кармана, помогают заморским “экономическим убийцам” обдирать свою страну, как липку. Само собой, под благовидным предложением помощи кредитам и, разумеется, либерализации всего и вся. А про “бесов” — в строку. “На 48-й странице вещего романа Достоевского “Бесы” сделал для себя закладку, — пишет Попов в памфлете про “плохих хороших парней” — “Высший либерализм, то есть либерализм без всякой цели, возможен только в России”. Завиральная “либеральная империя” — выдумка Чубайса — одно из ловких, обманных превращений бесовщины. “Сыны погибели” как взобрались на облучок власти в августе 1991 года, так и держат “вожжи вкруть”.

Збигнев Бжезинский, старый ворон, кружащий над русской бедой, каркает: “Россия — лишняя страна”! И во всеуслышание пророчит, что быть ей разделённой на четыре царства-государства. Среди них, по “разнарядке” геостратега, непременно и Сибирская Республика. “Неужто к ней отойдёт и моя деревушка, в которой отчий дом?” — с холодной яростью вопрошает наш автор. И находятся же дурни-образованцы, кто втихомолку, а кто и вслух поговаривающие о том, что Сибирская-то республика побогаче других будет... Автор напоминает, в какую давность отсылает нас “крапивное семя” местнической измены. Ещё тобольский воевода Гагарин в незапамятные времена, когда государева грамота шла к берегам Иртыша долгие недели, тоже лелеял думку о вольной, без подданства Белокаменной, Сибири. Да вот незадача: поплатился головой! Смута 90-х словно воскресила из небытия местническую измену в обличье разночинной “демшизы” и местных крупных телом “лабазников”. На время они затаились, вытянувшись в струнку перед путинской “властной вертикалью”. Один чёрт: сепаратистские поползновения, как чад над горящим торфяным болотом. Ревнителю “калужской законности” вновь морочат нам головы: прельщают мыкающих горькую нужду пошехонцев, которые и без того давно косятся на праздную, сытую, ставшую иноверческой Москву.

Между тем “сыны погибели” вновь в открытую пророчат в либеральных медиа “конфедерализацию” России-матушки. Белковские, Радзиховские и прочие идейные душеприказчики Рублёвки и Лондонграда бойко толкуют о “фрагментации” Российской Федерации. Кавказ и Сибирь, а если на то пошло — и Поморье, ничего не попишешь, господа, Москве уже не удержать! И братьям-славянам придётся как-то по-новому устраиваться на необозримых евразийских просторах.

Прилежный читатель “Московского комсомольца” поутру в электричке спросонья читает замысловатые подстрекательские опусы Белковского. И уж не знает, кому верить! Благо или зло — эта их “регионализация”? Тем часом “креативные” идеологи нового толка, величающие себя русскими национальными демократами, подняли хоругви местничества (“мы — пскопские!”) и выдают свои идейки за эмансипацию исконных русских губерний. Замысел дивный: избавить начисто природных русаков от великодержавия с его постылым имперским ярмом! И нечего, дескать, скорбеть, что государство — чудище Грозного, Петра и Сталина — прикажет долго жить! Эпоха национальных государств — сам глашатай глобализма Строруб Тэлботт не даст соврать! — неотвратно канет в Лету. И во всем свете грядёт благая всеобщая “регионализация”. Эти нацдемы, будто блаженные, не от мира сего! На поверку ревнители исконной кроткой России на самом деле не погнушаются пристроить разжалованную сверхдержаву к глобальной “управе”. И на правах своего рода бангустана явит себя миру “Новая Московия”. “Флаг им в руки!” — благословит пан Збышек. На его геополитической “шахматной доске”, считает Владимир Попов, эти пешки тоже сгодятся. У русофоба Белковского и русопятской ереси одно на двоих лыко в строку...

Толоконным лбам ревнителей “исконной” допетровской Руси будто бы не ведомы суровые реалии политики глобализма. “Впредь всё будет по-другому, не так, как прежде!” — обронил как-то Генри Киссинджер. Владимир Попов растолковывает читателю зловещий смысл обещаний “гуру” американской геополитики: “Оказалось, что Рах Американа не волготное “глобальное” пространство для большого американского бизнеса, а казарменная, милитаристская, “конкистадорская” доктрина”. И он как в воду глядел, предсказав бесславный конец иракской авантюры янки. И вскоре после “триумфального” взятия Багдада припомнил “бросавшим чепчики” восторженным замоскворецким американофилам древнюю шумерскую пословицу: “Ушедший по течению реки вернётся пыльной дорогой...”

Пусть так, янки опростоволосились, но геополитические угрозы для России с Юга, по предчувствию автора, будут только возрастать: “После Ирака всё большее беспокойство внушает открытость в прошлом неуязвимой сердцевины России на стыке Европы и Азии. На наших азиатских границах теперь ветер гуляет... От дельты Волги до широтной колеи Транссиба, рельсы которого на одном из перегонов заступают за кордон, всё наше пограничье, индустриальные центры Урала и Сибири оголены и уязвимы”. Этот зоркий взгляд на перспективу высказан Поповым лет за десять до недавнего совещания глав государств-участников СНГ, где прозвучали тревожные оценки непосредственных геополитических угроз в центре России...

Перед Рождеством в Гере...

“Нравственная, патриотическая струна в русском деловом человеке не могла не дать о себе знать сызнова и при нашем, по словечку Салтыкова-Щедрина, “чумазом” капитализме”. Привожу слова академика Дмитрия Семёновича Львова из его предисловия ко второй книге памфлетов Владимира Попова под саркастическим названием “Углеродородный Третий Рим? Взгляд великоросса”.

Есть и ещё один отзыв, который стоит десятка хвалебных рецензий: “...Признаюсь, прочитал “Последних из великороссов?” почти не отрываясь. Скажу, что книга очень нужная, весьма ярко и сильно написанная”. Это мнение Александра Зиновьева — воистину непризнанного пророка в своём отечестве. Александр Александрович отличался, на мой взгляд, редкой прямоотой и нелицеприятностью суждений и оценок. И вот что он тогда сказал: “Замечу, что в последние годы в публицистике стали появляться довольно сильные вещи. Думаю, в этом ряду книга Попова — одна из лучших. Особенно сильна аналитическая часть, что ближе мне. Автор по-своему трактует причины того, что произошло с нашей страной в 90-е годы и привело к затажному состоянию погружения в катастрофу, которая в начале событий действительно казалась “немыслимой”, но длится до сих пор. Как так? Почему история такое “вытворила”?..” У меня на магнитофонной ленте сохранилось горькое и страшное признание Зиновьева: “...Когда Горбачёв пришел к власти, и началась перестройка, я десятки, если не сотни выступлений сделал в разных странах,

и всякий раз твердил и предостерегал: кризис наступает, он уже у порога стоит, никаких реформ, никакой перестройки! Поначалу преодолите кризис, а уж потом, встав на твёрдую почву, предпринимайте что угодно. Увы, вышло всё как по писаному: "...реформы" Горбачёва отдали СССР на заклятие!"

И вот какое, читатель, проглядывает совпадение. Невольное схождение судеб и умонастроения двух великороссов, оказавшихся вдали от родных пенат в час роковой. Выдающийся философ, создатель новаторского социологического метода, непризнанный и оболганный ревнителями марксистской ортодоксии, в своём мюнхенском далеке пребывал в отчаянии от обольстившей его соотечественников химеры "перестройки и гласности". И ещё один великоросс, вольнодумец из младшего, послевоенного поколения, по другую сторону Берлинской стены терзался схожими предчувствиями и сомнениями...

Далее поведаю об одной нечаянной, мимолётной встрече во время командировки в ГДР. С годами она почти стёрлась из памяти, но оказалась по своему знаковой.

В фойе отеля "Штадт-Берлин" молодой латиноамериканец, похоже, эмигрант из левых, с ходу взял меня в оборот. Из его пылкой негодующей филиппики по-испански я различил лишь дважды повторенное – "*crazy, crazy Gorbachev!*" И столько отчаяния было во взгляде незнакомца, во всём его облике, что мне невольно сделалось не по себе. Накануне у нас, делегации работников ЦК ВЛКСМ и "Комсомольской правды", прибывших на фестиваль дружбы молодёжи СССР и ГДР, против ожидания, совсем не задалась дискуссия с функционерами и журналистами Союза Свободной немецкой молодёжи. Камень преткновения – перестройка и "новое мышление". Каждая сторона старалась далеко не заходить в идеологическом раздоре. Но обиняками, а порой и прямо в глаза немецкие товарищи давали нам понять, что нас там, в Москве, невесть куда занесло со скоропалительной "демократизацией". В Восточном Берлине настроения были совсем иные. А мы-то в Союзе после долгого безвременья оказались очарованы "гласностью", которой даже людей мыслящих опоили не хуже сивухи. Но разве, положа руку на сердце, свежий ветер перемен тогда не воспламенил надежды? Лозунг "Больше социализма!" подкупил даже совсем изверившихся. Просто непостижимо, как же мы проглядели подозрительное сходство с "розовой" облаткой антикоммунистической изнанки "пражской весны"!

И всё-таки в памятном 1985-м году страна словно пробудилась от спячки. Дух захватывало, как круто заворачивает молодой и речистый Генеральный секретарь. В Берлине же, в руководстве СЕПГ настроение царило хмурое, настороженное. Там неплохо были осведомлены о подводных течениях перестройки. В частности, о том, что новому партийному руководству на Старой площади верный союзник – Германская Демократическая Республика – в тягость.

Сказать по правде, идеологический "орднунг" СЕПГ показался нам в пылу дискуссии устаревшим, замкнутым и отменно жёстким. Даром что эфир Восточного Берлина насквозь "простреливался" пропагандистским вещанием с Запада.

Между тем близилось Рождество, и берлинцы были увлечены не политической, а сентиментальными предрождественскими хлопотами. На лицах прохожих – безмятежность. В старинном немецком городе Гера, что в Саксонии, тоже царил идиллия. В домах пекли немецкие праздничные пироги. На площади перед ратушей стояла нарядная, сияющая огнями и блётками елка. Ждали Санта-Клауса... На улицах праздничные, ликующие толпы синеглазочной молодёжи, пафосное настроение, безмятежность... Вечер после торжественного открытия фестиваля с участием высшего руководства страны мы провели в уютной, оформленной под старину пивной. Невольно зашла речь о размовке с немецкой стороны... С нами в мужской компании оказался второй секретарь советского посольства в ГДР. Он "курировал" мероприятия в Гере и как-то сразу всем нашим приглянулся. С ранней сединой, ясноглазый, с открытой улыбкой и... немногословный... У нас с этим посольским произошёл незначай короткий, но доверительный разговор. Конечно, обстановка в шумной пивной не располагала серьёзно толковать о политике, о трениях между Москвой и Берлином. Но одно примечательное и обескураживающее неожиданное высказывание дипломата крепко запало мне в память: "Да, немцы обожают праздники, а молодёжь – фестивали и шествия. Ведь так кругом всё благостно и торжественно, верно? Но мой вам совет: внимательнее

вглядывайтесь, запоминайте всё, что было с вами в эти дни, почувствуйте атмосферу жизни в Восточной Германии. Потому что в следующий раз, поверьте, не так много лет минует, ничего из всего сущего здесь вы уже не увидите... Всё это, увы, уходящая эпоха". Сказанное выдавало в собеседнике человека с острым геополитическим чутьём. И, сказать по правде, совсем недипломатическая его прямота немало озадачила нас...

В аэропорту "Шёнефельд" перед отлётом в Москву, в ожидании рейса я вспомнил Геру, памятный разговор в пивной и реплику про "уходящую эпоху". Не давал ли мне понять посольский, что дни Германской Демократической Республики сочтены, и она исчезнет с карты Европы? Фантазмагория какая-то! Однако смутное, зыбкое предчувствие чего-то неожиданного, какой-то скверной двусмысленности, недолжной легковесности затеваемого в верхах там, в Москве, камнем легло на душу.

"Crazy Gorbachev!"

Что бы всё это значило? На дворе был 1985 год. На Старой площади и на нашей улице Правды все идеологические "горшки" ещё были целы, а надежды наши были горячи.

"Трепещущие Ивановы безмолвствуют, дерзающие – славословят"

В VIPовской столовой нефтегазовой компании на Севастопольском проспекте в Москве случай свёл меня с моим давнишним знакомцем во время пребывания в Гере. "Владимир Данилович, старший вице-президент", – представил мне своего близкого товарища Фарман Курбанович Салманов, академик, легендарный первооткрыватель советского "Эльдорадо" – Тюменской нефтегазовой провинции в 60–70-е годы. И новому знакомству суждено было со временем превратиться в настоящую дружбу, скреплённую творческим сотрудничеством на ниве политической публицистики. Очень редко случается, чтобы произвольно так близко совпадали взгляды двух разных людей на жизнь, предпочтения в политике, экономических теориях. Да и просто в символах веры. Сроднила нас ещё и приверженность стилям политического памфлета – жанру, который через силу и неотразимость гротеска, иронии высвечивает, обнажает суть, изнанку вещей, явлений и событий. Так ведь и "Путешествие Гулливера", и "Помпадур и помпадурши", и "Анти-Дюринг", и даже "Материализм и эмпириокритицизм" – политические памфлеты!

С Владимиром Поповым мы опубликовали мировоззренческий диалог – "Европа и Россия в сумерках капитализма" (в содружестве с итальянским публицистом и членом Европарламента Джульетто Кьезой). По иронии судьбы тираж его вышел в августе 2008 года, в самое полымья мирового финансового кризиса... Исчерпанность, глухой тупик либеральной парадигмы для России и мира в те же деньки всеобщего замешательства в стане "туземных монетаристов" обосновал в нелюбимой статье ещё один заядлый "стихийный некейнсианец" – московский градоначальник Юрий Лужков. Он на целый год стал нашим откровенным собеседником: ни много, ни мало – 44 часа диктофонных записей дискуссий о системном кризисе в России. К слову, книга, которая стала итогом наших совместных размышлений и споров, в пику позабытому "перестроечному" кинематографическому опусу Станислава Говорухина, мы озаглавили "...И так жить нельзя!" А ещё одним участником не совсем обычного проекта вольнодумцев из разных страт расколотого общества стал выдающийся теоретик Солтан Дзарасов, которого по праву считают совестью отечественной экономической науки.

Нам также выпала редкая удача записать и опубликовать отложившуюся бережно в памяти откровенную беседу о трагическом времени великороссов с философом Александром Зиновьевым. Разговор происходил за чаем у его семейного очага на московской окраине, в Чертаново. Из окна типовой многоэтажки советских времён открывался завораживающий вид заснеженного подмосковного леса...

Хотите – верьте, хотите – нет, но лишь спустя года два после того, как сложился наш творческий тандем, разговор случайно коснулся той рождественской вечера в Гере... И мы, напрягши память, вдруг с удивлением "опознали" друг друга. Всё-таки двадцать с лишним годков минуло...

К слову сказать, те рождественские "колядки" аукнулись. Предсказанное Владимиром Поповым скорое "рукотворное" крушение ГДР не было про-

стым наитием. По возвращении с дипслужбы в Москву он с блеском защитил кандидатскую диссертацию на заведомо “крамольную” тему: про то, как восточная политика канцлеров Брандта и Коля подготовила исподволь предпосылки поглощения социалистической Восточной Германии, казалось бы, официально признанной бундестагом в Бонне. Расчётливые, основательные западные немцы уповали на то, что капля камень точит... А тут, как снег на голову, свалилось горбачёвское “ускорение” и нечаянно поднесло Федеративной Республике сказочную геополитическую добычу на блюдечке с голубой каёмочкой...

Замысел книги “Россия: испытание Смутой, или Долгий путь к истокам” Владимир Данилович вынашивал давно. Это своего рода промежуточный итог его публицистической деятельности. Книга написана в духе историко-философского и социологического исследования российского лихолетья. Долгого, нестерпимого, пожирающего историческое время великороссов. Те, кто читал книгу, оценят ее глубину, взвешенность и суровость, порою крайнюю, суждений автора. И эта его “немилосердность” к читателю, беспощадное обличение “сладкого прозябания” целой нации на нефтедоллары, уличение в “умственной бессовестности” либеральной интеллигенции на кормлении олигархов, другие резкости, возможно, многих и покоробят, но непременно заденут за живое. Иные сочтут пафос автора “эпатажным”. Прорежимные государственники не преминут порицать автора за “апокалиптическое” видение исхода Русской Смуты. Мол, едва забрезжил свет в окошке... А не потому ли, что весь российский “политикум”, думские витии, которые сходятся на ристалище Второго телеканала у Соловьёва, как ни крути, путешествуют в будущее в одном ковчеге с властью? Решительные “требования” оппозиционных партий к власти, подкаски кормчому помянуть лоцию, доказывая, что, как в старину уже бывало, коварное “латинство”, “бояре” и “думские дьяки” с Мясницкой подложили под компас государственного корабля топор, лишь возносятся к небесам. Даже после громогласной Валдайской прокламации президента так и остаётся неясным, как власть вознамерилась выправить долголетний провальный курс — левым галсом либо правым?

В Охотном ряду тем временем идут битвы на картонных мечах. “Стабильностью” перед лицом кризиса, глядишь, вполне благонамеренно озаботились и политические противники Путина. В кремлёвском Ноевом ковчеге, словно в Политбюро ЦК КПСС в конце 70-х, все тесно сбились, прирадились друг к другу — мышь не проскочит. Вот и сообразай, приятель... Худой гражданский мир лучше?.. Или на поверку есть только одна всамделишная партия — партия начальства? Так ведь и “медведи” — “партия серых пиджаков”, как прозвал её автор в памфлете “На углу Краловских Виноградов и Банного переулка”, — что-то не в фаворе у президента. Штатные пропагандисты режима теряются в догадках: кому теперь годить, каким богом молиться. В горячке идеологического переполоха после Валдая, вновь возникших упований на преображение Савла в Павла нелицеприятные суждения Владимира Попова о политической сущности правящего режима не всем придутся по душе. Невольно на память приходит язвительная насмешка Салтыкова-Щедрина: “Трепещущие Ивановы безмолвствуют, а дерзающие — славословят” (“Письма к тетёнке”). Как бы то ни было, автор жёстко стелет: российский политический класс, без делёжки на левых и правых, уж слишком разговелся, притерпелся к всевластию олигархии больших денег, будто бы равноудалённой от власти.

Если “оппозиция” у нас столь покладиста, стоит ли так гоношиться “человеку улицы”? Скопчество политических партий и движений только подбадривает обывательские настроения во всех страдах общества. Не опрометчи-во ли, спрашивает читателя Вл. Попов, не напрасно ли смирение системной оппозиции, фаталистическое, в духе упрощённого истмата упование на торжество левой идеи в будущем? Дескать, провидение не подкачает, а там, глядишь, и “наша возьмёт!” У Питирима Сорокина есть одно не прямое, косвенное, но меткое высказывание. Оно проясняет, отчего гроша ломаного не стоит обывательский “дискурс” в переломные для общества времена: “Завтрашняя культура, какой я её вижу, никоим образом не будет похожа на Туче-Кучуевск, рисуемый послеобеденным воображением”.

“Подданный Дома Инь”

“Владел двумя третями Поднебесной, но при этом продолжал быть подданным дома Инь” (Конфуций). Ни дать, ни взять, один такой несуразный “государь” нам хорошо известен – М. С. Горбачёв. Шапка Мономаха, которую нахлобучили на него старцы из Политбюро, не по Сеньке оказалась... Кроме изобретения липового “ипатовского метода” скоростной косовицы пшеницы, иных собственных идей у ставропольского комбайнера сроду не имелось. Знаменитое “новое мышление для СССР и всего мира” не из макового ли зерна “ипатовского метода” проклюнулось? По канонической же версии отступническая идеологическая химера зародилась в умах бригады речеписцев на цэковской подмосковной даче.

Сколько теперь ни ёрничай, по сей день непостижимо, как же “Меченого” угораздило обратиться в “подданного дома Инь”, то бишь пресловутого “Вашингтонского обкома”? На встречу с президентом США в Рейкьявике Горбачёв летел не удельным князьком за ханским ярлыком на правление, а главой мощной сверхдержавы. СССР в 1985 году находился в зените могущества. И не только ракетные, танковые армады, группировки космических спутников-разведчиков – измерение этой мощи. Паритет с превосходящими экономическими ресурсами всего Запада держава серпа и молота сумела обеспечить лишь мощью зрелого социального строя СССР. Зиновьев называл его Сверхобществом. Не “Верхняя Вольта с ракетами”, по глупому злоязычию Тэтчер, а действительно сверхдержава – наследница Российской империи. Хоть тресни, СССР был не по зубам Западу. Но по злосчастью Истории, молодое Сверхобщество как данность и номенклатура – усохшая её ветвь – вошли в роковое противоречие. Внезапный, нараставший, как снежный ком, развал мощной экономики, последовавший, едва Горбачёв навязал своё нелепое, по избранным дилетантским разрушительным средствам, ускорение, высвободил тёмные центробежные силы, которые всегда “дремлют” до поры в недрах любой сложно устроенной имперской системы. Нахлынувшая волна дефицита, опустошение потребительского рынка и адская смесь жёсткого планового и “кооперативного” вольного ценообразования на рынке не были следствием хозяйственной катастрофы. Напротив, идеологическая химера вульгарной бездумной “рыночной” присадки к мощному стволу плановой экономики породила хаос в экономике и отчаяние в обществе.

Либеральный кремлёвский агитпроп совсем извёлся в своих клеветах и напраслине на СССР. Тщетно! Чувство справедливости, отвержение лжи и очевидность, когда на воре шапка горит, поменяли настроение в обществе. Задним умом даже ко всему равнодушного обывателя осенило, что СССР был цивилизацией более высокого порядка.

“Самым тяжким для меня после возвращения из ГДР стало ощущение, что я вернулся в другую страну, в которой вдруг перестала работать система государственного управления”, – признаётся Вл. Попов. Невольно пришла на ум, вспоминает он, невесёлая мысль в подражание евстигнеевскому комедийному персонажу из кинофильма “Берегись автомобиля”: “Вильям-то наш Шекспир” верно подметил: “И мощь у немощи в плену!” Государственные мужи с умишком “продавцов мышеловок”, Горбачёв и присные, и целый выводок “новомышленцев”, уличных и “номенклатурных”, вдруг стали наперебой внушать советскому обществу, что все мы – погорельцы и горемыки. А семьдесят лет советской истории – сплошной мрак и “ужасти”.

Великоросс по духу, Владимир Попов с горечью и недоумением подмечал в окружающих вдруг возникшую готовность “разменять великодержавие на благосостояние”. Эта иллюзия стала повальным настроением в обществе.

Ныне даже самые оглашенные из былой “демократической” перестроечной коалиции “санкюлотов” и теневиков с мощной норвят откреститься от ельцинской “раздачи слонов”. Заморский фрукт киви и сто сортов колбас сомнительного качества в “Ашане” – не такое сокровище, за которое не жаль отдать в заклад не только душу, но и – задарма! – совокупный капитал нации, всё, что было нажито умом, талантом, самоотвержением нескольких поколений советского народа.

Либеральный агитпроп стоит на своём: СССР, дескать, был не жилец. Вл. Попов убедительно опровергает эту ложь. Его доводы сильны. Действительно, СССР к порогу злосчастного 1985 году располагал ни с чем не сравнимой базой для рывка экономики, прорыва в следующий технологический

уклад. Перестройка и ельцинское беспутство опрокинули экономику и пустили время вспять. Китай же ступил на тонкий лёд рыночных реформ на десятилетие раньше СССР. И, по мнению хорошо осведомлённых о происходящем за Великой стеной экспертов советского МИДа, шансов преуспеть у него было в обрез. Поднебесная начинала рыночные реформы с плоски риса на едока. Экономика КНР производила мизерный прибавочный продукт. В промышленности – советские технологии 50-х годов... Чисто – колосс на глиняных ногах! И где теперь “неправильный” Китай? А ведь у нас норма накопления была одна из самых высоких среди развитых стран. Страна обеспечила себя дешёвыми энергоносителями на полвека вперёд! СССР создал развитую континентальную индустриальную инфраструктуру и располагал рядом критических высоких технологий в военно-промышленном комплексе – готовый и бесценный задел для гражданского рыночного оборота! Экспорт из Советского Союза более чем наполовину состоял из машин и оборудования. Разделение труда в СЭВе было выгодно всем, а рубль был твёрдой валютой, внешний долг государства был весьма незначительным. Страна вырастила образованное, здоровое, творчески активное молодое поколение, воспитанное на ценностях коллективизма. И всё это богатство пошло прахом. Почему?

Вл. Попов видит причину в противоречиях развитого социализма и расматривает их со всей полнотой и жёсткостью оценок.

И что теперь осталось от бывшей сверхдержавы? По меткому выражению автора, – “экономика керосиновой лавки”. Ущербные черты “остаточного” уклада – кочерыжки – автор с беспощадным сарказмом обличил в памфлетах “Путешествие из Марьиной рощи в Елбань, или Должен ли русский топ-менеджер брезговать политикой?”, “Экономика: сладкое прозябание, или Торжество копеечной мудрости гладстоновских финансов”, “Долгий привал в “долине слёз” и других.

Краплёные карты дяди Сэма: конвергенция обернулась глобализацией

Апостол Павел в Послании к Солуныям говорит: “Ибо когда будут говорить: мир и безопасность, тогда внезапно наступит их пагуба – и не избегнут!” А индийская поговорка гласит: “Коварство заставляет ржаветь цепи дружбы”.

В большой политике то, что неподвластно булату, иной раз оказывается по силам слову. “Мягкая сила” – лишь благозвучное название политической игры краплёными картами. ПроЙдоха дядя Сэм всегда использовал эту колоду как “матрицу” в отношениях с внешним миром. С тех пор как в 90-х “демократическая” Россия пылко побраталась со своим по определению геополитическим противником, Кремль облапошили не один раз. Всякого рода основополагающие акты – макулатура, которую как зеницу ока хранят лишь архивариусы Смоленской площади. Американский политический истеблишмент, медиаторы общественного мнения, аналитики “Рэнд” и Института Брукинкса теперь в упор не видят Россию, где правят клептоманы. Правопреемника сверхдержавы СССР – новую “рыночную” Россию – попросту списали. Вероломство, цинизм, увёртки, вздорные претензии к Кремлю – фирменный стиль поведения Белого дома.

Сегодня это покажется непостижимым, неправдоподобным, но советская пропаганда, по крайней мере, журнальная публицистика, кинематограф создавали приукрашенный портрет Америки и американцев. И это обольщение тянется у нас ещё с 50-х годов. Так, фронтовик Виктор Некрасов, впоследствии прибывший к “диссидентам”, по возвращении из Америки написал очерки “По обе стороны океана”. Напечатаны они были в “Новом мире”. Столичная публика ими зачитывалась. Взгляд Некрасова на Америку был простодушным и провинциально-романтическим. “Почему бы нам не возобновить союзнические отношения?” – вопрошал автор знаменитой повести “В окопах Сталинграда”.

А “шестидесятиникам” и этого показалось маловато. Америка, по их заветному убеждению, призвана окормлять нас духовно. Библейская метафора Сияющего града на холме втемяшилась им в головы. Столичная интеллигенция, словно старая дева в холодной постели, была без ума от Америки... Партийное начальство косилось на это поветрие и раздавало подзатыльники слишком рьяным американофилам. Заглядываться на “американский образ жизни” не считалось таким уж грехом. Книга русского американца Терещенко “Дело

вая Америка” стала настольной в советском директорском корпусе. У этого поветрия был, однако, и политический подтекст: СССР был заинтересован в разрядке отношений с Америкой.

И в самой Америке родилось встречное движение – пытливый интерес к советскому обществу. Стремительный экономический рост Советского Союза, расцвет культуры и науки производил сильное впечатление на американских интеллектуалов. На этом встречном потоке и возникла идея *конвергенции* двух систем. Посыл – простой, здравый и лишь чуточку утопический. Если СССР и США сойдутся когда-нибудь в ядерном клинче, земная цивилизация погибнет. Идея мирного сосуществования из риторической превращалась в действенную. Вместо того чтобы сидеть на пороховой бочке, две державы могли бы наладить торговлю и обмен технологиями. Конвергенция создавала в воображении столичной интеллигенции образ нового мирового порядка. И это не было идеализмом чистой воды, как представляется сейчас, в 2014 году. И не являлось игрой, политическим плутовством “заклятых друзей”. Политическое, идеологическое, военное соперничество двух держав продолжались, но контрапунктом к нему стали схождение и взаимный интерес. После встречи в верхах в Москве в 1972 году в мире заговорили даже о кондоминиуме США – СССР на долгие времена.

Спорная, противоречивая, но животворная идея конвергенции тогда, в 70-е, ещё не была опоганена ложью и подлостью яковлевской “пятой колонны”.

Вл. Попов верно подмечает, что в американском деловом и интеллектуальном истеблишменте существовало влиятельное течение, ратовавшее за то, чтобы конвергенция и впрямь стала честной сделкой. Восстановить контекст незадавшейся конвергенции нам сегодня необходимо, чтобы полнее оценить один из главных смыслов книги автора. Речь идёт об обстоятельствах, контексте и содержании его памятной беседы с глазу на глаз в Гарварде с выдающимся американским экономистом Джоном Кеннетом Гэлбрейтом. Некогда он был послом США в Индии, но больше известен в мире как автор концепции “постиндустриального общества”. Гэлбрейт пользовался авторитетом и был вхож во властные круги Америки. Мнение крупного учёного и политического мыслителя имело вес в университетских кругах Америки. Гэлбрейт в ряде публикаций отмечал, что советская экономика – сильная и зрелая, а предпосылки для конвергенции планового и рыночного хозяйства действительно существуют.

“Судьба подарила мне встречу с этим человеком летом 1983 года, – рассказывает В. Д. Попов. – Я оказался в США по приглашению Конгресса в составе молодёжной организации КМО СССР. Время было сложное, отношения между нашими странами ухудшились дальше некуда, контакты на разных уровнях были заморожены...”

Итак, на дискуссии в Гарвардском университете присутствовал “тот самый Гэлбрейт”. На вечернем приёме “прихватив бокал с вином, подошёл к нему представиться. Оказалось, его очень заинтересовало моё полемическое выступление в прениях. К моему удивлению, мэтр предложил покинуть шумную кампанию и поговорить в спокойной обстановке”.

Опуская подробности, выделим наиболее значимые акценты импровизированного, но содержательного диалога с Джоном Гэлбрейтом в изложении автора. “Уникальный опыт советского планирования, – сказал учёный, – позволяет вашей стране конкурировать с Западом”. “Развитие технологий изменит мир до неузнаваемости...” “Не уверен, что грядущие потрясения пройдут мимо СССР. С большой долей вероятности СССР не выдержит бремени гонки вооружений и напрасных затрат на поддержку псевдонародных режимов по всему миру”. “Пора вам и нам многое переосмыслить и выбраться из идеологических катакомб, в которые мы себя заточили. Это совсем не означает, что СССР должен отказаться от ценностей своей истории, социалистической идеи...” И вот ещё примечательный штрих: “Возможно, я ошибаюсь, но население Советского Союза слишком погружено в свои бытовые повседневные заботы...” И особо примечательно убеждение Гэлбрейта: “Конвергенция возможна при стечении многих факторов, и будет тем путём, по которому нашим, во многом антагонистическим системам следует пойти”. Ещё одно признание дальновидного американца дорогого стоит: “Капитализм не вечен. Что такое его полуторавековая история? Миг в истории человечества... Рано или поздно его созидательное начало иссякнет, а разрушительная сила станет настолько очевидной, что прозревшее человечество будет вынуждено в муках отказаться от него”.

Фрэнсис Фукуяма в те годы ещё пешком под стол ходил. Его нашумевший опус “Конец истории” в сравнении с глубоким мышлением Джона Гэлбрейта — и впрямь ученический вздор. А наши-то американофилы поспешили зачислить Фукуяму в пророки, да теперь помалкивают.

Вл. Попов вспоминает: “Эгоизм Гэлбрейт прозвал “реактивным топливом” капитализма, а опыт СССР тем ценен, что “впервые в истории государство осознанно ищет пути, как нейтрализовать эту биологическую составляющую природы человека”. И вот ещё, на заметку: “...социальные лифты в СССР по-прежнему работают, и это обнадеживает”. “Неудача грандиозного социального эксперимента в СССР, предостерег он, будет иметь трагические последствия для вашей страны и мира”.

В завершении нечаянного, но откровенного обмена мнениями человек “с той стороны”, представитель американского истеблишмента сказал: “Наши страны в обозримом историческом будущем пойдут каждая своим путём, и только время внесёт ясность, на чьей стороне будущее...”

Понятное дело, что перед нами не дословная запись высказываний именитого собеседника во время памятной гарвардской вечера, но добросовестное, бережное изложение. Я несколько раз перечитал эти страницы из “Испытания Смутьей”, настолько значимыми, ценными они мне показались. Сегодня, десятилетия спустя, в беспросветном мороке “петролстейта” ещё острее осознаёшь, что же мы утратили. Выдающийся экономист и социальный мыслитель, Джон Гэлбрейт недвусмысленно дал понять, какие карты были у нас на руках, когда мы достигли не только ядерного, но и более широкого паритета с США. Мы имели сопоставимый с метрополией капитализма уровень развития человеческого потенциала. Ныне по этому показателю мы опустились до уровня Свазиленда. В одном лишь, и это горькая правда, скрывалась до срока ахиллесова пята развитого социализма — интеллектуальный, моральный, ценностный капитал правящего сословия легко было сосчитать на “медные деньги”. Сложно здесь не согласиться с Владимиром Поповым.

Конвергенция двух враждующих систем в точке их равнодействия могла состояться, вопреки осторожности и взаимному недоверию! По предположению автора книги, этот прорыв в новую реальность был по силам поколению, к которому он принадлежал, — образованному, дерзкому, воспитанному на социалистических идеалах. Но им такого шанса не дали. Смене поколений во власти жёстко воспротивилась партийная “геронтократия”. Затмение произошло в самых верхах номенклатуры, тогда как страна жила своей жизнью и была ещё исполнена нерастраченных сил.

Перестройка — лишь предбанник капитуляции. А что же конвергенция? “Новомышленцы” вывернули эту идею наизнанку, подменив её торжественной ликвидацией СССР, прописанной в выспренной и глумливой Парижской декларации.

Ничего не скажешь, “диссидент на троне” — Горбачёв — появился на пороге янки со щедрыми подношениями. И даже недалёкий Ронни Рейган в Рейкьявике тотчас смекнул, что это клад, а не Генеральный секретарь. И вместо конвергенции мы получили глобализацию — мировое ярмо, которое влечат все страны, попавшие под американскую раздачу, ведь “новомышленцы” за компанию отдали в неволю ещё с дюжину прежде суверенных государств.

Изданы уже горы книг о подноготной “перестройки”, но ещё не всё тайное открылось. Время придёт, и архивы заговорят... Вл. Попов подводит читателя к мысли, что страстное вожделие собственности, капиталов, которые наследуются, а также малодушие и невежество верхов породили трагедию советского общества. А ещё и извечное “моя хата с краю” низовой номенклатуры и служивых. Всё это вкупе и подвело к сдаче, “усыновлению” России Западом, против чего предостерегал потомков Данилевский, автор труда на все времена — “Россия и Запад”.

Положим, не все они низкопоклонники и корыстолюбцы, но есть, по мысли автора, единый знаменатель незадачливости временщиков во власти. Неспоста Вл. Попов прозвал политический класс “новых русских” бесподобным “орденом столоначальников”. Он зорко угадал их подспудную типологию — сплошь выходцев из питерской муниципальной ветви власти, которым привалило счастье нежданно возвыситься в смутное время, по простоте своей вообразивших, что великой Россией можно управлять, как Васильевским островом. Проницательная разгадка худосочности, падения дееспособности власти, у которой всё из рук валится, высказана некогда философом Ортегой-и-

Гассетом в “Восстании масс”: “*Политическая тупость сама по себе не была бы так опасна, если бы не происходила от тупости интеллектуальной и моральной, более глубокой и решающей*”.

“Когда старояз окончательно отомрёт...”

“Русский Крест берет начало в недалёковидной политике властителей Российской империи, получившей своё дальнейшее развитие после Октябрьской революции”, — считает Вл. Попов. В главе “Либерализм есть нечто призрачное...” он выдвигает мысль о преемственности национальной политики царизма и КПСС — правящей партии. В чём же была эта преемственность? А в том, что русские, как теперь толкуют, “государствообразующий народ”, всегда были своего рода пасынком и данником имперского строительства. Империя Романовых, в отличие от Британской, не богата и не роскошествовала за счёт ограбления колоний: национальные окраины Российской империи по определению не были колониями.

Кто не знает, что богатства Британской империи и лондонского Сити наживались угнетением народов колоний, “опиумными войнами” Ост-Индской компании и иными деловыми, а попросту грабительскими предприятиями англосаксов. Они даже несчастную соседку — непокорную Ирландию пустили по миру. Автор вспоминает Джонатана Свифта, который с горькой усмешкой писал: “Парадоксом о богатстве страны мы обязаны... банкирам, единственным состоятельным среди нас людям, если не считать таможенных чиновников, пернатых птиц и прижимистых сквайров”. А вот Российская империя, простёртая до Аляски и Калифорнии, так и не обзавелась своей Ост-Индской компанией, даже когда силой присоединила Среднюю Азию. Лифляндия, Курляндия, Грузия не платили метрополии никакой дани. Неспроста Василий Розанов негодовал, что “чухонцам” — финнам, соседствующим с Петербургом, — сплошь привилегии и поблажки от властей, на которые русакам имперская власть скупится. “Была внутренняя периферия в этнокультурном ядре — Центральная Россия, Черноземье и Нечерноземье, — называет вещи своими именами В. Д. Попов. — Именно отсюда выкачивались все ресурсы, в том числе людские. Это трагедия, настоящая трагедия русской цивилизации”. И впрямь, русский человек со времен преобразований Петра Первого терпеливо тянул на своём горбу государственное тягло. И так из века в век без передышки...

Самоотверженность, которая всегда была в характере великороссов, в конечном итоге выходила им боком. В горячке внезапного “парада суверенитетов”, подло подстрекаемого яковлевскими, ельцинскими и уличной неистовой “демшизой”, ненавистниками Союза ССР, вдруг оказалось, что русские, Москва обирали почём зря национальные республики! Была даже брошена идея “территориального хозрасчёта” — сапоги всмятку. В ход пошли анекдотические экзерсисы “национально” мыслящих экономистов. Минералка “Перье” в нью-йоркском супермаркете продаётся по доллару за бутылку, а наш “Боржоми” — считай задаром, за копейки! Письменники-руховцы в Киеве придумали “идеологему” про нахлебников-москалей и украинское сало. Увы, и злополучная Декларация о суверенитете России, принятая Съездом Советов, явилась запальчивой отместкой националистам союзных республик от имени русского большинства.

Русофобия, росказни об исторической вине великорусского “держиморды” — воистину несчастная идея пришедшей к власти партии большевиков, — убежден Вл. Попов. Грешит ли он против исторической правды? Читатель волен рассудить по-своему... Но ведь и Максим Горький в “Несвоевременных мыслях” сокрушался: “Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта. Вообразив себя Наполеонами социализма, рвут и мечут...” Пролетарскому писателю русофобская оголтелость инородческой верхушки большевиков не привиделась. “Мы завоевали Россию... Победители часто попадают под влияние культуры побеждённых народов и перерождаются”. Чьё это откровения? Самого, увы, Владимира Ульянова (Ленина). И это не полемическое преувеличение, не ораторская гипербола, а непреклонный пафос пламенного интернационалиста. Вл. Попов называет отвержение всего великорусского, коренного, державного “первородным грехом большевизма”.

На мой взгляд, в государстве рабочих и крестьян русофобия не могла прижиться. И. В. Сталин, уничтожив троцкистскую ересь, с поношением ве-

ликороссов покончил. Стало уже общим местом признание, что сталинизм был пусть противоречивой, но превращённой формой российского великодержавия. Русские при жизни вождя могли быть спокойны за своё будущее. Мысли автора книги обо всём этом необычайно интересны и во многом парадоксальны...

Увы, после реакционного переворота августа 1991 года русофобия вновь выиграла и заполонила опустошённое, выжженное идеологическое пространство. Все чумные 90-е годы прошли под знаком неистового поношения всего великорусского, советского, исконного... И тучные 2000-е прошли под тем же неослабным шельмованием "русского национализма". Швыдкие облыжно приравняли его к фашизму. Русофобия пронизала насквозь либеральные масс-медиа. Она является почти открытым исповеданием "западников" и всей их честной компании, которую власть, словно прозрев, зачислила, наконец, в реестр иностранных агентов.

Напомню, первая книга – проба пера Владимира Попова в публицистике – имела символическое название "Последний из великороссов?" Тогда, на излёте "лихих 90-х" назваться великороссом уже было вызовом правящему либеральному бомонду. Но времена меняются, теперь, напротив, уже "либерал" едва ли не бранное слово в лексиконе прорежимных идеологов. В наших пенатах ныне, глядишь, кругом полным-полно ревнителей "русской идеи". И даже из среды вчерашних англоязычных "монетаристов" в Белокаменной. И ещё – дельцов без роду, без племени, которые вдруг открыли в себе потаённую "русскость". Ни дать ни взять – все потомки Минина и Пожарского, набожные православные, метящие в церковные старосты.

"Между нами говоря, мы – чехи", – говаривал, озираясь, подпоручик Дуб, персонаж "Похождений бравого солдата Швейка". Так и "русский национализм" стал подобием "карманной" идеологии верхов, манком для ульщения "электората". И своего рода ядрёной приправой к путинизму, невзирая на его неразменную праволиберальную сущность. Между тем Рублёвка и её спикеры, тягомотные, навеки ушибленные "либерализмом" гозманы на опекаемых властью телеканалах обличают происки "русской партии" – одной из "башен Кремля". Как если бы эта мифическая "русская партия" хоть что-нибудь на самом деле предприняла для вызволения из экономического бедствия русских губерний – от Твери до Воронежа и Оренбурга.

Философ Александр Панарин резко, вовсе не понапрасну утверждал, что русские в Эрэфии – "на нелегальном положении". Вокруг *русского вопроса* чем дальше, тем ожесточеннее идёт идейное противоборство. Общественное мнение начинает прозревать. Тем временем на идеологическом торжище упомянутые выше златоусты-русопята приторговывают своим диковинным геростратовским "концептом". Ни сверхдержавы, ни просто державы русским, дескать, не надобно. Хлопочут об избавлении этнических русских от "имперского ярма". На поверку речь-то идёт о ликвидации исторической России! Национал-демократы, не в косоворотках, а цивильном платье, с хладной душой прорицают разделение русского суперэтнуса, по Гумилёву, на земляческие самоуправляемые общины. Не у анархиста ли Бакунина позаимствовали эти молодцы свою злую утопию? И как это потомки кривичей, вятичей и прочие "колена" русского этнуса будут вести безмятежную жизнь вольных хлебопашцев в мире, где сошлись в ожесточённой брани старые и новые великие национальные державы – Китай, Индия, Иран...

Официальные идеологи уже носятся, как с писаной торбой, с идеей, что судьба новой России – стать национальным буржуазным государством. "Как у людей", в европах...

Владимир Попов – потомок донских казаков из-под Вёшенской – не примыкает ни к одному идеологическому "приходу", чтобы оставить за собой право без оглядки на "своих и чужих" доискиваться до самой сути вещей, какой бы она ни оказалась. Все его мысли и чувства сосредоточены на одном – выживании великороссов и государства русских и других народов, которые из поколения в поколение разделяют заветы Русского мира. Оставим на долю читателей рассудить, сколько правоты в откровенных, за гранью "политкорректности", порой предельно жёстких суждениях автора. В самом ли деле нам не избежать участи "последних из великороссов"?

Всё либеральное охвостье режима, конечно же, зачислит Владимира Попова в "консерваторы" и "шовинисты", ни в грош не ставящего прелести Прекрасного Нового Мира, где исчезнет само духовное вещество "русскости".

“Когда старояз окончательно отомрёт, порвётся последняя связь с прошлым”, – как сказано в антиутопии Джорджа Оруэлла “1984”.

“Сумрак законов” и “рублёвская фронда”

“Горе тому граду, в котором только и толков о том, что собственность священная, – значит, здесь случилось неслыханное воровство”... Салтыков-Щедрин словно наслушался речей, спичей, клятвенных заверений власти имущих на экономических форумах в Давосе, Санкт-Петербурге, Сочи... Эту “псалтырь” о торжестве рыночного порядка под сенью путинской “властной вертикали” год за годом, но как-то всё без толку зачитывают на каждой очередной тусовке бомонда. С непременно приглашением “знатных” иностранцев, которых изо всех сил обхаживают. Что, любезные, инвестиционный климат у нас и впрямь поздоровел? Как некогда говаривал ныне обуржуазившийся и остепенившийся одесский острослов: “Не верю – отныне и во веки веков!”

Западные инвестиционные фонды неспроста избегают вкладывать средства в Россию. Хорошенько знают, что правовой режим, законодательство, статус собственности начертаны на песке. Там, где над всем довлеет византийская “вертикаль власти”, нет тверди под ногами делового человека. Всё у “либералов” вроде бы списано с западных образцов, как устройство закуской “Макдональдс”, но на поверку – одна лишь сплошная декорация. По крылатому выражению Михаила Евграфовича, не законы, а лишь “сумрак законов” и есть в наличии. Поэтому серьёзный западный бизнес – залётные биржевые спекулянты не в счёт! – в путинскую либеральную идиллию ни ногой! Зато местные олигархические кланы среди бела дня выводят сквозняком из страны сотни миллиардов долларов прикарманенной углеводородной ренты, сверхприбылей и вовсе “тёмных” денег. Центробанк РФ из года в год лишь меланхолично подсчитывает убыль, будто караульный у ворот. А наш президент, в укор западному деловому истеблишменту, который от нас нос воротит, несказанно гордится режимом “открытой экономики”. Конечно, не те сейчас времена, когда янки при дворе царя Бориса прилаживали новой власти хомут “Вашингтонского консенсуса”, а такое впечатление, что эту епитимью Россия до сих пор влачит! Либерализм – лукавый символ веры, а на самом деле всего лишь ухват, с помощью которого наживаются сказочные состояния. Читаем у Вл. Попова: “Чиновничество грабит бюджет на всех уровнях властной вертикали просто самозабвенно”. Только ли в казну запускают загребущие руки? На собственном опыте топ-менеджера в большом бизнесе автор свидетельствует, что и в крупных корпорациях, у которых владельцы частные, воровство и вывод активов происходят за милую душу.

Нашенская коррупция – с аппетитом Гаргантюа, ненасытная. В ней и впрямь есть что-то хищное, неуёмное, пропащее... Луки-утешители – благонамеренные исследователи коррупционного заклатья России – на разные лады лишь заверяют: мол, “перемелется!” И пробавляются грошовыми рекомендациями властям предрержащим. Действительную онтологию российской коррупции, на взгляд Вл. Попова, раскрыл независимый экономист, его единомышленник Солтан Дзарасов: “Криминальный капитализм возник из восстания теневого сектора (советской) экономики против государства”. На редкость меткое, афористическое, сущностное определение явления. И все сегодняшние напасти, убеждён автор, – отдалённые последствия “первородного греха” анархо-либерализма 90-х. Эту обличительную “скрижаль” ничем не загладить, не умастить притираниями, как клеймо ллии – знак падшей женщины на плече коварной Миледи в “Трёх мушкетёрах”. Коррупция по-российски – наследственная карма режима Путина. У Попова свой, особенный взгляд на эту притчу во языцех. Об этом его аналитический памфлет “Finita: посткоррупционное общество?”, изданный массовым тиражом. Название – со смыслом. По авторской концепции, вся нынешняя эпическая “борьба с коррупцией” – запоздалая война с ветряными мельницами, потому что аппарат власти и коррупция – слитный субъект. Никакой действительной антиномии между ними не осталось. Громкие антикоррупционные нововведения в законодательстве, “построения” и кары, которые горохом посыпались, как из рога изобилия, ничего уже не способны изменить. Олигархия не станет копать под себя, да и служивым не пожалует такой воли. Хотя верно и то, что мелкая сошка, мздоимцы средней руки непременно попадут под раздачу...

“Россия в угоду финансовым интересам олигархической власти “легла под Запад”, но иногда взбрыкивает и неожиданно для самой себя вспоминает о былом своём величии, что до обморока пугает нашу компрадорскую буржуазию”, – с иронией пишет В. Д. Попов. И в самом деле, знаменитая Мюнхенская речь Путина всполошила, по слухам, номинантов списка “Форбса”. Как далеко готов пойти преображённый Владимир Владимирович? Была ли речь экспромтом или прологом размежевания с Западом? Кое-кто из патриотического лагеря поспешил тогда увидеть знак выдвижения новой имперской парадигмы, коль старая – братание с Западом, породнение капиталами с транснациональными корпорациями – оказалась бита. После мюнхенской выволочки западной элите многие затаили дыхание. И вскоре всех просто огорошило невероятное, за гранью, безответственное назначение “мебельщика” Сердюкова, прозванного впоследствии “маршалом Табуреткиным”, министром обороны РФ! “Табуреткин” во главе военного ведомства – это и был наш грозный ответ продвижению НАТО на Восток?

Целый пуд соли съеден “государственниками” из оппозиции с новообращённым “имперцем” Путиным, а много ли проку? После Валдайской речи президента – вновь переполох, горячие ожидания, что по непреклонной воле Путина олигархический режим займётся своим “демонтажом”. В самом деле – голова кругом! Прокламация президента, по убеждению Вл. Попова, – хорошо рассчитанный манёвр, острастка Западу, и никакой “революции сверху” не предвещает. Напротив, раскол в обществе, пропасть между роскошью и богатством компрадорской элиты и бедностью, скудостью жизни большинства, повальное воровство чиновничества в отсутствие государственной идеологии напоминают канун безысходного 17-го года прошлого века.

Между тем “экономика керосинной лавки” дышит на ладан.

Время покажет, в самом ли деле Владимир Путин набрался решимости поставить на карту российского великодержавия. Тем часом поговаривают о неких “проектировках” в недрах “Вашингтонского обкома”. Будто бы идёт верстка “сценариев” и “моделей” влияния извне на ход противоборства путинского властного круга с, условно говоря, “лондонскими” и “рублёвскими”. Технологии перехвата власти восходят ещё к старым, “перестроечным” интригам и сюжетам. Нелишне, приглашает читателя к размышлению Вл. Попов, мысленно вернуться в 1987 год, пороговый, задолго до противоборства Горбачёва и Ельцина. Тогда ещё никто не чаял ни “войны суверенитетов”, ни соперничества юрисдикций, когда “демократическое” правительство РСФСР взбунтовалась, подстрекая предприятия не платить налоги в союзный бюджет. В тот злополучный год на стороне Горбачёва ещё оставались все аппаратные, силовые и медийные ресурсы. Как и сегодня у Путина... Оппозиционная Межрегиональная депутатская группа и демократический охлос Манежной выглядели вполне маргинально. Кремль, казалось бы, шапками закидает “супротивников”, будь на то твёрдая политическая воля. И впрямь, “посадские” – сущая гольтыба против номенклатурных “бояр” – не на многое могли покуситься. А чем дело кончилось – известно. Поэтому ремейк, перестройка-II не выглядит таким уж безнадёжным делом, как это мнилось многим в 1987 году, когда никакого Ново-Огарёва ещё и не маячило на политическом горизонте.

Конечно, Владимир Путин не чета Горбачёву, этому Талейрану наизнанку. Он не из тех, кто будет плести самому себе лапти... Но сделанного не вернёшь: сосредоточение реальной власти, капиталов и рент, довлеющего влияния на госаппарат в руках горстки олигархов слишком далеко зашло. “Верхние 10 тысяч” – крупный капитал “сырьевиков”, алчущих надёжного убежища для наворованных сокровищ ценой замирения, пусть и покорства Западу, не станут сидеть сложа руки. Эти способны повести свою вероломную игру.

Владимир Попов подводит читателя к собственному размышлению о возможном исходе Русской Смуты. Пока ещё у президента остаются в загашнике десятки миллиардов долларов, чтобы откупаться от “бояр”, “смердов”, служивых, “пошехонцев” и алчного чиновничества. Но грянет день, когда оловянная ложка звякнет о днище котелка, то бишь минфиновской заначки. Он и станет точкой разворота. И что тогда? Как бы судьба ни обернулась, мы, соотечественники, должны держаться настороже, не дать себя провести.

У книги Вл. Попова нет оптимистического финала. Он разделяет убеждение Александра Зиновьева о *непредопределённости* будущего. Но вот его символ веры – полюбившаяся ему с юности максима Ларошфуко: “Как бы ни легка была прозрачность надежды, она лёгкой стезёй ведёт нас вперёд”.